

Он бросил взгляд на Лю Тинчжу — тот по-прежнему сидел с беззаботным видом, глядя на уличную толпу.

Не верю, не верю, я не могу в это поверить! Но... неужели на свете и правда бывают такие совпадения, что куда бы мы ни пришли, везде случаются кровавые бойни!

Сяо Шулань в каком-то полубабыти снова поднял голову — на улице уже совсем стемнело.

На их столике не зажгли огонь, и лицо Лю Тинчжу наполовину тонуло во мраке, но в тусклом свете всё равно угадывались его прекрасные, словно с картины, черты и неповторимый, одухотворённый облик.

Сяо Шулань вдруг вспомнил ту ночь, когда они встретились впервые, и то леденящее ощущение, когда его холодные пальцы потянулись к чужой шее. От этого воспоминания его пробрала мелкая дрожь.

Только тогда Лю Тинчжу повернул голову и посмотрел на него. Его глаза были чистыми и холодными, будто отделенными от мира полосой лунного света.

— Ты боишься меня?

Сердце Сяо Шуланя испуганно ёкнуло, но прежде чем он успел ответить, за спиной раздался густой голос:

— Позвольте спросить, почтенный братец, не вы ли прославленный герой Сяо Шулань?

Сяо Шулань вздрогнул и оглянулся. Оказалось, это был тот самый начальник стражи Те Чжэн, а вот Богатей Цзинь куда-то подевался — надо полагать, Те Чжэн уже успел его отпустить.

Сяо Шулань поднялся, сложив руки в приветствии:

— А вы кто будете?

Те Чжэн рассмеялся:

— Ничего особенного, просто давно наслышан о великом герое Сяо.

Его взгляд скользнул по Мечу Синего Дракона, висевшему у пояса Сяо Шуланя, и он улыбнулся:

— Увидеть меч — всё равно что увидеть самого героя Сяо. Железный давно слышал о вас, и раз

сегодня выпала счастливая встреча, упустить её было бы просто грех.

Лю Тинчжу с раздражением слегка отвернулся. Сяо Шулань знал, как сильно тот не выносит все эти церемонные любезности, но сейчас ему было не до того: он предложил Те Чжэну присесть и одновременно крикнул слуге, чтобы тот принёс вина.

Не успели они толком устроиться, как с другого конца таверны донёсся истошный вопль:

— Убивают!

Крик был страшным и пронзительным.

Те Чжэн вздрогнул, одним движением сорвался с места и мгновенно исчез из виду.

Сяо Шулань бросил взгляд на Лю Тинчжу — тот сидел тихо и неподвижно, словно ничего и не слышал.

— Жди меня здесь, — негромко бросил Сяо Шулань и тоже бросился следом.

Добравшись до места, Сяо Шулань увидел, что Те Чжэн поддерживает окровавленного человека, похожего на здешнего управляющего.

Те Чжэн одновременно нажал на точки на его теле, чтобы остановить кровотечение, и спросил:

— Кто тебя ранил?

Сяо Шулань наклонился и выглянул за перила: на улице уже почти не осталось прохожих, стояла тихая ночь с редкими звёздами и яркой луной — на редкость мирная картина.

Слегка нахмурившись, он повернулся к управляющему:

— Что здесь в конце концов стряслось?

Те Чжэн поднял валявшийся рядом кинжал, с минуту разглядывал его в лунном свете, а затем посмотрел на окровавленные руки управляющего.

— Управляющий, с чего это вдруг ты вздумал сам себя резать?

Тот, кто только что стонал, услышав это, внезапно замолк даже стоны. Уставившись на Те Чжэна, он лишился дар речи.

Сяо Шулань усмехнулся:

— Управляющий, неужто ты так сильно любишь себя? Чуть-чуть оцарапал кожу, а завопил на всю округу об убийстве — чего ты этим добиваешься?

Управляющий остолбенел. Те Чжэн только собрался переспросить его снова, как вдруг заметил, что лицо Сяо Шуланя переменилось. Тот стремительно сорвался с места и исчез, а ошеломлённый Те Чжэн поспешил следом. Вернувшись к их столику, они обнаружили, что и след Лю Тинчжу простыл.

Не понимая, в чём дело, но видя мертвенно-бледное лицо Сяо Шуланя, Те Чжэн осторожно произнёс:

— Тот молодой господин, должно быть, спешил по срочному делу, к чему же Сяо-сюн так тревожится?

Сяо Шулань холодно усмехнулся:

— Брат Тего кое-чего не знает... — Он резко развернулся, большими шагами вернулся к управляющему и рявкнул: — Когда он успел с тобой сговориться?

Управляющий затрясся от страха:

— Вч... вчера ночью...

Сяо Шулань опешил. Вчера ночью? Разве в то время он не был с Лю Тинчжу? Неужели тот и впрямь владеет искусством разделения тела на части и, находясь рядом с ним, умудрился добраться сюда раньше и сговориться с этим управляющим?

При мысли об этом ему стало жутко. Всё последнее время он сторожил Лю Тинчжу так тщательно, что тот почти не оставался один — сбежать было невероятно трудно.

Выходит... тот всё это время притворялся, что рана на ноге еще не зажила, обманывая его? Просто терпел и ждал подходящего момента?

А появление Те Чжэна оказалось чистой случайностью, хотя делу это не помешало.

Сяо Шулань неподвижно простоял с полпальцы времени, а затем спросил:

— Управляющий, скажи мне, какая усадьба здесь самая большая?

Управляющий растерялся:

— Разумеется, усадьба семьи Цзинь.

— Я имею в виду, — бесстрастно произнёс Сяо Шулань, — в какой из усадеб сейчас еще остались живые люди?

— Всё в той же усадьбе семьи Цзинь, — ответил управляющий. — У Цзиней две усадьбы: одна принадлежит тому самому богатею Цзиню, а вторая — его младшему брату... В общем, той самой семье, где все погибли.

Сяо Шулань коротко выдохнул, подхватил меч и направился к выходу.

Те Чжэн окликнул его:

— Брат Сяо, позволь мне проявить бестактность и спросить: связано ли то, куда ты направляешься, с делом семьи Цзинь?

Сяо Шулань обернулся, его лицо по-прежнему не выражало никаких эмоций:

— Нет, не связано. Просто иду искать того знакомого. Я хотел пообщаться с братом Те, но нынче, видно, не судьба — как-нибудь в другой раз, если будет суждено.

Сложив руки в знак приветствия, он спустился вниз.

Те Чжэн долго размышлял, а потом произнёс:

— Управляющий, это тот юноша в синих одеждах приходил к тебе и велел разыграть этот спектакль?

Управляющий с несчастным видом затаил:

— Он дал мне много серебра и научил, что и как делать. Я подумал — какая в конце концов разница, всего-то пара пустяковых царапин... Кто ж знал, что вы так быстро всё раскроете!

Расспросив обо всех деталях, Те Чжэн запутался еще сильнее: раз этот человек мог самостоятельно добраться сюда и сговориться с управляющим, к чему было городить весь этот сложный огород?

Нахмурившись, он ломал голову, но так и не смог найти разгадку.

Вдруг раздался скорбный вопль управляющего, полный ужаса и отчаяния. Те Чжэн обернулся и увидел, что тот держит в обеих ладонях полную горсть мелких камней, а лицо его сделалось синевато-бледным.

— Как же так? Откуда у меня в руках вместо серебра, что дал молодой господин, взялись одни камни?

Те Чжэн вытащил из его ладони один камешек — это действительно был самый обычный придорожный булыжник.

Таверна процветала, и серебро здесь водилось каждый день, так что управляющий никак не мог ошибиться. Не удержавшись, Те Чжэн усмехнулся:

— Ну что, управляющий, за что боролся, на то и напоролся — ничего ты в итоге не заработал.

Стоявшая недавно тихая ночь с редкими звёздами неизвестно когда сменилась глухой темнотой и завыванием бурного ветра.

Обе усадьбы семьи Цзинь разделяла всего одна стена, вдоль которой тянулся ряд ив, а под ними вилась узкая чистая речушка, уходящая изгибами вдаль.

По одну сторону лежала мрачная обитель мертвецов, по другую — шла самая обычная жизнь, и разделяли их всего-то одна стена да полоса воды.

Сяо Шулань долго стоял под стеной. Ночной ветер пробирал до костей, трепля полы его одежды.

Он колебался, не смея сделать шаг, и сам не понимая, почему никак не может набраться храбрости войти внутрь.

Лишь когда иней стал гуще, а холод пропитал одежду насквозь, Сяо Шулань словно очнулся ото сна.

Я боюсь. Я действительно боюсь. Не хотел думать, не хотел видеть, но... рано или поздно мне придётся с этим столкнуться.

Сяо Шулань перемахнул через стену. В усадьбе царила мёртвая тишина и темнота, и лишь в восточном флигеле горел одинокий огонёк лампы, размером с маковое зёрнышко.

Бесшумно приблизившись, он еще не успел дойти до окна, как услышал голос Лю Тинчжу:

— Раз уж явился среди ночи, к чему стоять под окнами? Заходи.

Чистый и звонкий голос в мгновение ока напомнил Сяо Шуланю журчание горного ручейка при их первой встрече.

Толкнув дверь, он вошёл: перед ним оказалась комната, больше похожая на кабинет, хотя обставлена она была донельзя безвкусно — впрочем, после встречи с богатеём Цзинем Сяо Шулань уже отлично представлял себе его вкусы.

Меньше всего вписывался в эту обстановку сам Лю Тинчжу. Скрестив ноги, он сидел перед низким столиком и играл сам с собой в го, перебирая чёрные и белые камни. Тусклый свет стоявшей рядом лампы делал его синие одежды похожими на струящуюся дымку, а лицо казалось выточенным из светлого нефрита.

— Хочу пить.

Заметив на столике у окна чайник и чашки, Сяо Шулань налил чаю и поднёс к нему.

Лю Тинчжу даже не притронулся к чашке, а просто сделал пару глоток прямо из его рук.

— Зачем ты убиваешь неповинных людей?

Лю Тинчжу бросил на него косой взгляд:

— О чём ты? Я ничего не понимаю.

На Сяо Шуланя вдруг накатила слепая ярость. Схватив собеседника за воротник, он рывкнул:

— Тот помощник трактирщика в маленьком городке, которого, по слухам, нашли утонувшим после того, как я увёз тебя оттуда на коне — разве не ты его убил?! Кто же еще?!

Лю Тинчжу оттолкнул его руку:

— Ты же сам сказал — утонул. К чему спрашивать, я ли его убил? Я тебе не вода в том пруду.

Взбешенный до предела Сяо Шулань уже занёс руку для удара.

Лю Тинчжу увернулся:

— Ты что с ума сошёл?

Взбешенный Сяо Шулань горько усмехнулся, грубо повернул его лицо к себе, заставив смотреть прямо в глаза, и чеканя каждое слово, произнёс:

— Ты убил этого человека и выпил его кровь! Зачем?!

Лю Тинчжу гордо вскинул подбородок:

— Чтобы накопленная за тысячелетие культивация не пошла прахом! Ты разрушил мою тысячелетнюю работу, и теперь за каждую поглощенную человеческую сущность я возвращаю себе один год!

Грудь Сяо Шуланя разрывалась от ярости, и он с размаху влепил ему пощёчину. Удар был быстрым, и Лю Тинчжу, не успев уклониться, отлетел к стене. Его губа рассеклась, и уголок рта обагрила тонкая струйка крови.

Нефритово-белых пальцев сорвался чёрный камень для го и со звоном покатился по полу.

— Ты уничтожил мою культивацию и отобрал мои камни. Скажи мне, как еще я мог вернуть утраченное?

Сквозь зубы процедил Сяо Шулань:

— Скольких ты уже погубил к этому дню?

Лю Тинчжу даже не утер кровь с разбитой губы и холодно, зловеще усмехнулся:

— Не так много, еще половина осталась.

Сяо Шулань перевел взгляд на его ноги:

— Выходит, ты уже давно можешь ходить.

Лю Тинчжу кивнул и улыбнулся:

— Верно. Стоит поглотить жизненную силу этих людей, и способность к исцелению возвращается. К тому же, раз ты сам так любил носить меня на руках, мне было только легче.

Сяо Шулань снова замахнулся, но на этот раз Лю Тинчжу даже не пытался увернуться — он лишь уткнулся лицом в столик и зашёлся в дрожащем, надрывном смехе.

Камни для го со звоном и перезвоном, словно жемчуг, ссыпавшийся с нефритового блюда, покатались по полу во все стороны.

— Сяо Шулань, ты сам навлек на себя эту беду, разве не понимаешь? Если бы в тот день ты не тронул меня, все эти люди остались бы живы! Ни один бы не погиб!

Подняв голову и заметив, что рука Сяо Шуланя так и застыла в воздухе, мелко дрожа, Лю Тинчжу рассмеялся еще громче.

— Что? Жалко меня убивать? Не хватает духу? Зная, что из-за меня в той усадьбе семьи Чжан и поместье семьи Ли погибли сотни людей, всё равно рука не поднимается?

Он неожиданно наклонил голову, разглядывая Сяо Шуланя. Во взгляде его не было лукавства — лишь странная, чистая сосредоточенность, почти детская наивность.

— Почему ты не убьешь меня? Я знаю, что ты просто не хочешь, не смеешь сделать это, но я не понимаю — почему?

Сяо Шулань в упор смотрел на него, какое-то время не находя слов. Наконец, горько усмехнувшись, он выдал из себя:

— Тинчжу, ты и впрямь не человек. Будь ты хоть капельку человеком, понял бы почему. — С увядшим сердцем вздохнув, он добавил с улыбкой: — Похоже, я ошибся. Относиться к тебе так — было ошибкой... Я-то думал... со временем, после стольких дней вместе, ты понемногу всё поймёшь...

Лю Тинчжу продолжал смотреть на него, запрокинув голову, а по уголку рта всё так же медленно сочилась тонкая струйка крови.

Глядя на него, Сяо Шулань снова почувствовал прилив жалости. Вздохнув, он промолвил:

— Разве быть человеком так плохо? Ты ведь уже обрёл человеческий облик, зачем тебе непременно нужно достичь бессмертия через духовную практику?

Лю Тинчжу уставился на него и чеканно произнёс:

— Потому что ты — человек, а я — демон. Встреть я кого-нибудь с могущественной силой, и я не смогу удержать даже этот облик. Пускай я совершенствовался почти две тысячи лет, но всё равно ты разрушил мою практику. И я даже не знаю, судьба это или что-то еще!

Вдруг из-за окна донёсся донельзя резкий, пронзительный звук. Сяо Шулань прислушался — это был надрывный плач и крики множества людей, от которых по его спине побежали

мурашки. Повернувшись к Лю Тинчжу, он увидел, что тот сохраняет полнейшее равнодушие, словно происходящее не имело к нему никакого отношения.

— Что это за голоса?..

Лю Тинчжу с абсолютной беспечностью произнёс:

— Ты явился не вовремя — сейчас как раз полночь, и те, кто умер, идут по дороге Хуанцюань. Они умирали в отчаянии, не желая мириться с судьбой, вот и голосят, чтобы выпустить накопившуюся в сердце злобу.

Сяо Шулань вглядывался в него, не в силах поверить, что можно говорить о подобном с такой лёгкой небрежностью.

Уголки губ Лю Тинчжу чуть приподнялись в улыбке.

— Сяо Шулань, помнишь, что я говорил тебе в ту ночь? Ты разрушил моё тысячелетнее совершенствование, и одним только собой тебе этого не возместить... Раньше я пожрал девятьсот девяносто восемь человек, а теперь мне нужна жизненная сила еще тысячи людей взамен той тысячи лет, что ты у меня отнял!

Разъяренный Сяо Шулань уже поднял руку, но тут же опустил её.

— Ты ведь всё время был при мне! Как ты мог умудриться встретиться с этим управляющим? Как ты мог вредить людям?

Лю Тинчжу усмехнулся:

— Разве я только что не говорил? Каждая новая человеческая жизнь добавляет мне еще год практики. Ты сторожил меня слишком ревностно, поэтому мне приходилось выбирать тех, кто подворачивался в постоянных дворах. Полученные годы культивации не только излечили меня и позволили двигаться — этого было достаточно даже для того, чтобы разделять тело и отправляться наружу.

Сяо Шулань глухим голосом произнёс:

— Хотя я и следил за тобой пристально, но не ежесекундно же. У тебя всё равно оставалась возможность сбежать, к чему было городить весь этот сложный план?

Лю Тинчжу рассмеялся:

— Не можешь понять — и не пытайся. Скажу тебе так: пока я не достигну бессмертия, я буду продолжать убивать. По дороге все кругом величают тебя великим героем, а героям ведь не положено позволять мне творить такое зло, верно? Я знал, что ты догадаешься, и ждал тебя здесь, чтобы покончить со всем этим раз и навсегда.

Сяо Шулань горько улыбнулся. Покончить? Как покончить? Убить меня, испить моей крови, а потом вернуться в свои глубокие горы охранять тот самый Лотос Холодной Луны?

— Я к тебе...

Лю Тинчжу поднял голову, и в уголках его бровей проступила лёгкая тень тоски:

— Я знаю, что ты давно подозревал меня и почти во всём убедился. Просто ты не видел всё своими глазами, поэтому не хотел срывать маски — точно так же, как не мог до конца смириться с мыслью, что я демон, хотя отчаянно пытался заставить себя поверить в обратное...

Сяо Шулань криво усмехнулся — улыбка вышла натянутой, словно выдавленной из себя.

— Разве Моли не говорила, что ты совсем не понимаешь человеческих чувств? Почему же сейчас ты видишь всё так ясно и отчетливо?

Он протянул руку к поясу и потянулся к Мечу Синего Дракона.

В этот момент послышался тихий смешок Лю Тинчжу:

— Сяо Шулань, неужто ты думал, что я признаюсь тебе в убийствах, не имея на то веских причин?

Сяо Шулань испуганно отшатнулся на несколько шагов назад, выхватил меч и поднёс к лунному свету. Клинок по-прежнему переливался синеватым сиянием. Ощувив смутное беспокойство, он посмотрел на Лю Тинчжу: лицо того в отсветах меча тоже казалось окутанным тусклой синевой, излучая на редкость жуткую, демоническую ауру.

Раньше Лю Тинчжу панически боялся Меча Синего Дракона: стоило Сяо Шуланю лишь обнажить его, как у того мгновенно пропадали все силы, а при малейшем приближении он и вовсе падал в обморок. Но сегодня он выглядел совершенно бесстрашным, отчего Сяо Шулань помимо испуга почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Опираясь одной рукой о край столика, Лю Тинчжу медленно поднялся на ноги. Увидев, что тот двигается совершенно свободно, Сяо Шулань почувствовал, как в груди снова закипает злость. Ах ты, паршивец Лю Тинчжу, оказывается, всё это время водил меня за нос и крутил как хотел! Ну хорошо, хорошо, твои две тысячи лет жизни явно прошли не зря. Значит, вся моя забота и нежность казались тебе просто шуткой, да?

Сяо Шулань смотрел, как Лю Тинчжу шаг за шагом приближается к нему. Рука в бледно-синем рукаве медленно легла ему на запястье. Пальцы были ледяными — этот холод пронзил Сяо Шуланя до самого сердца.

Лю Тинчжу легко вытянул меч из его ослабших рук и небрежно бросил на столик.

— Теперь от него нет никакой пользы, так что... на сей раз тебе от меня не уйти.

Сяо Шулань почувствовал, как чужие пальцы снова тянутся к его шее, и на мгновение оцепенел целиком. Но пальцы Лю Тинчжу замерли в воздухе, а затем его прохладные, мягкие губы коснулись губ Сяо Шуланя — это было лёгкое, почти невесомое касание, тут же сменившееся отстранением.

Словно лепесток цветка, тихо и плавно опустившийся на губы и тут же унесённый порывом ветра.

— Тебе ведь нравится, когда я целую тебя, верно? Если умереть вот так... тебе будет хоть чуточку приятнее?

Услышав шёпот, сорвавшейся с его губ, Сяо Шулань, несмотря на всю смертельную опасность момента, невольно почувствовал себя одновременно и смешно, и горько. Ощувив, как пальцы снова неспешно скользят по его шее, он сунул руку за пазуху.

Тут же раздался ехидный смешок Лю Тинчжу:

— Что бы ты ни достал, это уже не поможет...

Правой рукой Сяо Шулань сжимал какой-то предмет и с горькой мукой произнёс:

— Вот как? А ты взгляни-ка?

Он разжал ладонь. Лю Тинчжу издал испуганный крик и отлетел назад, с размаху врезавшись в стену, после чего мешком сполз на пол.

С усилием приподняв голову, сквозь стиснутые зубы он выдавил:

— Т-ты... Это же...

Сяо Шулань горько усмехнулся:

— Верно, это кисти от Меча Синего Дракона. Моли велела использовать их, чтобы обуздать

тебя. Я даже сходил в кузню и перековал их в цепь, но в конце концов... рука так и не поднялась применить её против тебя.

Я видел, как кузнец раздувает меха, превращая шёлковые кисти в кованую цепь.

Каждый удар молота отдавался болью в моём собственном сердце.

Поэтому я не смог.

Но к чему привела моя жалость?..

Сдалека снова донеслись унылые зауспокойные рыдания. Сяо Шулань снова здрогнул и замер в растерянности, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Нет, больше нельзя позволять ему творить всё, что вздумается!

Он ведь сам сказал, что погубил уже больше половины от задуманного — неужели из-за него должны погибнуть еще пятьсот человек? Если он из-за своей былой слабости попустительствует стольким убийствам, останется ли он сам человеком?

Сяо Шулань подхватил Лю Тинчжу, перенёс на ложе, подтянул пояс и крепко связал ему руки за спиной, а затем перехватил за лодыжку.

Тонкая, изящная, безупречно белая лодыжка. Сяо Шулань невольно вспомнил, как тот ходил босиком в глубоких горах, ступая босыми ногами по зелёной траве и прохладным волнам, чистый и сияющий, как нефрит. От этого воспоминания его сердце сладко защемило, а когда он почувствовал, как чужая лодыжка едва заметно дрожит в его ладони, по телу снова прокатилась волна горячего жара.

Лю Тинчжу инстинктивно попытался вжаться в угол, но Сяо Шулань крепко держал его за ногу, не оставляя пути к отступлению, и испуганно-дрожащим голосом выдохнул:

— Нет... не надо эту штуку...

— С чего бы это? — холодно бросил Сяо Шулань. — Если я перестану тебя сдерживать, всё повторится снова и снова!

Лю Тинчжу дёрнулся назад, но Сяо Шулань лишь сильнее сжал запястье и применил силу — от боли у того заныли все кости.

— Будь послушным, не нарывайся на неприятности.

Глядя на бронзовую цепь в его руках, Лю Тинчжу едва слышно, совсем слабо прошептал:

— Я... я больше не буду убивать людей... Не используй её...

— Выбирай сам: куда надеть? На руки или на ноги?

— Я ничего не хочу! — взвизгнул Лю Тинчжу.

Сяо Шулань нахмурился и, крепко сжав пальцы на его горле, произнёс:

— А как насчет сюда? Не испытывай моё терпение — неужели ты и вправду хочешь, чтобы я отдал тебя толпе простолудинов, которые только и мечтают содрать с демонов шкуру и вытянуть жилы?

От его хватки лицо Лю Тинчжу покраснело, дышать стало нечем. Сяо Шулань чуть ослабил пальцы, оставив на бледной шее багровые следы.

Не успел тот перевести дыхание, как в воздухе блеснул синеватый свет, и с сухим щелчком цепь сомкнулась на его лодыжке.

Дикий крик вырвался из груди Лю Тинчжу. Тело его помимо воли отбросило назад, но Сяо Шулань навалился сверху, намертво прижав его к ложу, не давая двинуться. Тот забился под ним с безумным отчаянием выброшенной на берег рыбы или бьющегося в агонии зверька.

Моли предупреждала его: когда магический артефакт умиряет демона, три души и семь духов несчастного едва не распадаются на части, а боль от этого сравнима со сдиранием кожи и вытягиванием жил.

Видя, в каком состоянии тот находился под Мечом Синего Дракона, Сяо Шулань понимал, как невыносимо тяжело сейчас его пленнику, но время для жалости прошло — без этого было нельзя. Сбрав силы в руках, он навалился на его плечи.

Лю Тинчжу побился еще немного, запрокинул голову и потерял сознание. Напряжённое тело постепенно обмякло, а одежда насквозь промокла от холодного пота — он выглядел так, будто его только что вытащили из воды.

— Тинчжу? — испуганно окликнул его Сяо Шулань, видя мертвенно-бледное лицо и едва теплящееся дыхание. Он прижал пальцы к точке жэньчжун и сильно надавил. Заметив, как Лю Тинчжу чуть приоткрыл глаза, он наконец выдохнул с облегчением, торопливо развязал путы на его руках и уже мягче произнёс: — Пошли.